

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 4, Pp. 811–825, 2023
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 902/904 (574)

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-811-825

Белагаш — новый памятник кыпчакского времени в Центральном Казахстане

*Алексей Игоревич Кукушкин¹, Адиль Болатович Макен², Евгений Анатольевич Дмитриев³,
Олжас Саятович Шохатаев⁴*

¹ Карагандинский университет им. акад. Е. А. Букетова (28, ул. Университетская, 100024 Караганда, Республика Казахстан)

PhD (History), старший научный сотрудник

 0000-0002-6262-464X. E-mail: [tatarlandia\[at\]mail.ru](mailto:tatarlandia[at]mail.ru)

² Карагандинский университет им. акад. Е. А. Букетова (28, ул. Университетская, 100024 Караганда, Республика Казахстан)

преподаватель

 0009-0002-4449-6207. E-mail: [adil.95.kz-95\[at\]mail.ru](mailto:adil.95.kz-95[at]mail.ru)

³ Карагандинский университет им. акад. Е. А. Букетова (28, ул. Университетская, 100024 Караганда, Республика Казахстан)

научный сотрудник

 0000-0002-1440-7675. E-mail: [yevgenii1992\[at\]mail.ru](mailto:yevgenii1992[at]mail.ru)

⁴ Карагандинский университет им. акад. Е. А. Букетова (28, ул. Университетская, 100024 Караганда, Республика Казахстан)

старший преподаватель

 0009-0009-3885-1795. E-mail: [olghas-85\[at\]mail.ru](mailto:olghas-85[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Кукушкин А. И., Макен А. Б., Дмитриев Е. А., Шохатаев О. С., 2023

Аннотация. *Введение.* Многие аспекты культуры кочевого средневекового населения Центрального Казахстана, несмотря на длительную историю его археологического изучения, фактически остаются вне поля научных исследований. Так, за более чем 90-летний период раскопок представления о памятниках IX–XII вв. формируются преимущественно из результатов изучения статуарных объектов, а также 13 сооружений, большинство из которых — святилища различной конфигурации. О погребальной обрядности представляется возможным судить по единственному атрибутированному захоронению, обнаруженному в культурных слоях поселения бронзового века *Кент*. Цель исследования заключается, во-первых, в наиболее полном обобщении истории изучения памятников IX–XII вв. в Центральном Казахстане;

во-вторых, во введении в научный оборот новых материалов, полученных в ходе исследования памятника *Белагаш*. *Материалы и методы*. Все исследованные объекты памятника *Белагаш* представляли собой достаточно однотипные надмогильные конструкции в виде незадернованных каменных насыпей, достигавших размеров от 2–3 м до 13 м. К сожалению, значительные ограбления в совокупности с отсутствием находок делают сооружения №№ 1–3 малоинформативными для реконструкции обрядности, а с учетом того, что подобные надмогильные конструкции могут в известной мере встречаться как в памятниках раннего железного века, так и средневековья, вопрос об их датировке предлагается пока оставить открытым. *Результаты*. Наибольший интерес представляет сооружение № 4, которое по формально-типологическим признакам можно отнести к кругу памятников VIII/IX–XI вв. Оно содержало разрозненные останки лошади в сопровождении железных стремени и пряжки, а также бронзовых наконечника ремня и накладной бляшки. Для установления возраста комплекса ключевое значение имеют типологические характеристики стремени, а также известные в Прииртышье и на Алтае аналоги, совокупно позволяющие датировать исследованный объект № 4 в рамках VIII/IX–XI вв. Авторы отмечают важность полученных материалов памятника *Белагаш*, которые дополняют немногочисленные сведения о культуре населения, проживавшего на территории Центрального Казахстана в конце раннего средневековья.

Ключевые слова: Центральный Казахстан, раннее средневековье, кыпчаки, могильник, стремя, Белагаш

Благодарность. Работа выполнена в рамках проекта Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан АР09259147 «Культура кочевого населения Сарыарки в Средневековье (по материалам погребальных и ритуальных комплексов)».

Для цитирования: Кукушкин А. И., Макен А. Б., Дмитриев Е. А., Шохатаев О. С. Белагаш — новый памятник кыпчакского времени в Центральном Казахстане // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 4. С. 811–825. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-811-825

Belagash: A Newly Discovered Kipchak-Era Site in Central Kazakhstan

Alexey I. Kukushkin¹, Adil B. Maken², Evgeniy A. Dmitriev³, Olzhas S. Shokhatayev⁴

¹ Karaganda Buketov University (28, Universitetskaya St., 100024 Karaganda, Republic of Kazakhstan) PhD (History), Senior Research Associate

 0000-0002-6262-464X. E-mail: tatarlandia[at]mail.ru

² Karaganda Buketov University (28, Universitetskaya St., 100024 Karaganda, Republic of Kazakhstan) Lecturer

 0009-0002-4449-6207. E-mail: adil.95.kz-95[at]mail.ru

³ Karaganda Buketov University (28, Universitetskaya St., 100024 Karaganda, Republic of Kazakhstan) Researcher

 0000-0002-1440-7675. E-mail: yevgenii1992[at]mail.ru

⁴ Karaganda Buketov University (28, Universitetskaya St., 100024 Karaganda, Republic of Kazakhstan) Senior Lecturer

 0009-0009-3885-1795. E-mail: olzhas-85[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Kukushkin A. I., Maken A. B., Dmitriev E. A., Shokhataev O. S., 2023

Abstract. Introduction. Despite the long history of archaeological research in Central Kazakhstan, many aspects of culture inherent to its medieval nomadic population remain understudied. So, the ninety-year-long excavations of eighth-to-twelfth century sites have shaped certain ideas about the latter primarily on the basis of statuary objects and thirteen sanctuary-type facilities with varying

structural patterns. Funeral rites can be traced only in one attributed burial discovered in cultural layers of the Bronze Age settlement of Kent. *Goals*. The study attempts a complete historical summary of investigations into eighth-to-twelfth century sites across Central Kazakhstan, and introduces into scientific circulation some newly discovered material from the site of Belagash. *Materials and methods*. All the studied objects of Belagash are rather similar graveside structures in the form of unsodded stone mounds sized 2–3 to 13 m. Unfortunately, facilities nos. 1–3 were looted and have yielded only scarce finds that provide insufficient data for any reconstruction of rituals. And since such graveside structures can to some extent be traced in both Early Iron Age and medieval monuments, the question of their dating shall be left open for the time being. *Results*. Facility no. 4 is of utmost interest. Its formal typological features attest to it may cluster with eighth/ninth-to-eleventh century sites. It was containing some scattered horse remains accompanied by an iron stirrup, a buckle, a bronze belt tip, and an appliqué plaque. Typological characteristics of the stirrup are crucial to identifying the historical period in question: analogues from the Irtysh River valley and the Altai may date the investigated site to the eighth/ninth throughout eleventh centuries CE. *Conclusions*. It is urgent to emphasize the significance of the material from Belagash since the latter does add to the meager data on the culture of Central Kazakhstan's population at the final stage of the Early Middle Ages.

Keywords: Central Kazakhstan, Early Middle Ages, Kipchaks, burial ground, stirrup, Belagash

Acknowledgements. The reported study was funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Science Committee), project no. AP09259147 'Culture of the Nomadic Population of Saryarka in the Middle Ages (Based on Materials from Burial and Ritual Complexes)'.

For citation: Kukushkin A. I., Maken A. B., Dmitriev E. A., Shokhataev O. S. Belagash: A Newly Discovered Kipchak-Era Site in Central Kazakhstan. *Oriental Studies*. 2023; 16(4): 811–825. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-811-825

1. Введение

В современном понимании начало подлинно научному археологическому изучению Центрального Казахстана было положено в 1933 г. Нуринской экспедицией под руководством П. С. Рыкова, организованной Государственной академией истории материальной культуры Народного комиссариата просвещения СССР. В ее задачи входило выявление памятников и проведение раскопок на территории совхоза «Гигант» (Карагандинская область) [Рыков 1935: 40].

Осуществленные несколькими отрядами работы охватили комплексы различных исторических периодов: от эпохи камня до позднего средневековья включительно — и дали показательные материалы, подчеркивающие их региональное своеобразие [Рыков 1935].

В последующие годы темпы археологического изучения нарастали, выстраивая и насыщая новыми материалами колонную секвенцию культур. Однако внимание было акцентировано преимущественно на памятниках эпохи бронзы и раннего железного века, в то время как материальная культура средневекового населения оставалась прак-

тически неизученной. Схожая ситуация сохранилась и по настоящее время, а накопленные источники настолько малочисленны, что археологическая летопись территории Центрального Казахстана в VI–XIV вв. представляет собой в некотором роде terra incognita. Данное обстоятельство естественным образом актуализирует любые новые данные, вводимые в научный оборот. В особенности это касается завершающей стадии раннего средневековья (IX–XII века), которая, за исключением многочисленных зафиксированных и описанных статуарных объектов [Касенова 2020; Ермоленко 2004; Маргулан 2003], обеспечена материалами нескольких исследованных кыпчакских святилищ и захоронением на поселении *Кент*.

В рамках данной статьи предлагается обратиться к результатам исследований памятника *Белагаш*, имеющим важное значение в ракурсе накопления новых источников по IX–XII векам.

2. История изучения памятников IX–XII вв.

Приступая к освещению истории изучения памятников IX–XII вв., необходимо

обозначить позицию авторов по следующим аспектам: во-первых, в обзор включены объекты, расположенные сугубо в современных территориально-административных границах Карагандинской и Улытауской областей; во-вторых, в вопросе использования термина «кыпчакский» применительно к раскопанным сооружениям авторы данной статьи продолжают устоявшуюся тенденцию этнокультурной атрибуции, однако необходимо иметь в виду, что Центральный Казахстан в IX–XII в. был областью расселения нескольких племенных объединений, а известные проблемные аспекты соотнесения археологических материалов с конкретными этносами, по нашему мнению, вряд ли дают основания для безапелляционной констатации их этнокультурной принадлежности; в-третьих, следует учитывать отсутствие радиоуглеродных определений, что оставляет некоторую свободу в области трактовки возраста исследованных объектов.

Первые раскопки комплекса IX–XII вв. были проведены в 1948 г. Л. Р. Кызласовым в урочище Аиршоку (Улытауская обл.). Объект представлял собой ритуальный каменный курган диаметром 7 м, высотой до 0,75 м. Подле него находилось поваленное погрудное антропоморфное изваяние [Кызласов 1951: 53–63].

В 1978 г. в верховьях реки Атасу, в 51 км западнее от пос. Кызылтау (Карагандинская обл.), исследован еще один курган, имевший овальную в плане форму размерами 8 x 7 м, высотой до 0,7 м. Под каменной насыпью, в южной половине, зафиксировано золистое пятно. В восточных полах сооружения были установлены 3 стелы, две из которых имеют антропоморфные очертания [Ермоленко 1987: 105–107].

В этом же году были начаты работы на святилище *Аблай* (Карагандинская обл.), продолженные в 1979 г. Комплекс состоял из двух смыкающихся четырехугольных построек размерами 6,5 x 6,5 м и 4,5 x 4,5 м, в одной из которых, т. е. малой, были установлены двумя рядами антропоморфные изваяния кыпчакского иконографического облика [Ермоленко, Курманкулов 1992: 118; Ермоленко, Гецова, Курманкулов 1985: 137–161].

Ж. К. Курманкуловым и Л. Н. Ермоленко в 1982–1983 гг. в урочище *Мыржик*

(Карагандинская обл.) исследовано еще одно святилище, содержавшее под курганной насыпью прямоугольную каменную ограду размерами 4,75 x 4,4 м, высотой 0,6 м, со стенками шириной 1,1–1,3 м. В ее внутреннем пространстве зафиксированы два антропоморфных изваяния различной сохранности. На дне камеры найдены кости животных (верблюд, баран), в том числе 5 бараньих черепов без нижних челюстей. Некоторые вещи были обнаружены в норе грызуна и представлены парой костяных срединных накладок на лук, парой петель от колчана и сильно корродированными железными предметами, в целом датируемыми началом II тыс. [Ермоленко 2004: 102, рис. 21; Ермоленко, Курманкулов 1992: 116–119; Ермоленко, Гецова, Курманкулов 1985: 137–161].

В 15 м северо-западнее данного святилища в 1985 г. С. М. Ахинжановым было исследовано аналогичное сооружение четырехугольной в плане формы, стенки которого сложены строительной кладкой. В центральной и восточной частях зафиксированы 2 изваяния [Ермоленко 2004: 36, 100, рис. 17а].

В 1990 г. в долине реки Жинишке (Карагандинская обл.) раскопан аналогичный мыржикскому комплекс, содержавший под насыпью ограду размерами 5,8 x 5,6 м, высотой до 0,5 м. Во внутренней камере были установлены двумя рядами 5 изваяний, а на дне выявлена яма со следами воздействия огня и скоплением фрагментированных конечностей лошади. Возле изваяний найдена синяя бусина. Другие находки комплекса состояли из каменного диска с отверстием, неорнаментированного фрагмента керамики и железного гвоздя с массивной шляпкой [Ермоленко, Курманкулов 2002: 78–87].

Единственное на тот момент захоронение обнаружено в 1990 г. при раскопках поселения *Кент* (Карагандинская обл.). Оно было совершено в грунтовой яме овальной формы в плане, размерами 2,3 x 1,3 м и ориентированной в широтном направлении. В процессе расчистки погребения обнаружен частично потревоженный человеческий скелет, уложенный на спине в вытянутом положении и направленный черепом на запад. Останки сопровождалась серебряными цепочкой и бляшками, перламутровой и азуритовой подвесками-нашивками, фрагмен-

том зеркала и стременем. Типологические аналоги обнаруженным изделиям позволили В. В. Варфоломееву и И. В. Рудковскому датировать захоронение XI–XII веками [Варфоломеев, Рудковской 2004: 220–225].

Новый ритуальный комплекс исследован в 2012 г. на памятнике *Тасшоки* (Карагандинская обл.). Он представлял собой каменно-земляной курган диаметром 9 м. У восточной полы насыпи найдено обломленное изваяние с характерным для кыпчакской традиции иконографическим обликом [Жусупов, Дмитриев 2017: 52–54].

В 2017 г. были проведены раскопки святилища *Унирек 1*, которое находится в 4,5 км восточнее одноименного аула (Карагандинская обл.). Комплекс состоял из двух сооружений, обведенных общим рвом. После снятия поверхностного грунта и разбора развалов камней были выявлены две ограды: одна диаметром 4 м, другая — 3,6 x 3,5 м, — содержавшие во внутреннем пространстве 4 антропоморфных детализированных кыпчакских изваяния [Курманкулов, Касенова 2017: 106–109].

В целях выполнения более полного обзора необходимо также в общих чертах упомянуть о еще двух неопубликованных памятниках, раскопанных авторами данной статьи.

В 2019 г. в долине реки Талды, в 1,5 км западнее от пос. Байбала, были проведены работы на ритуально-погребальном комплексе *Байбала* (Карагандинская обл.). Наиболее крупное из исследованных сооружений представляло собой каменный курган диаметром 10 м, в насыпи которого были установлены 2 балбала. Других находок объект не содержал. Периферию памятника составляли 3 каменные выкладки, под одной из которых выявлено безынвентарное захоронение, видимо, более позднего времени.

В 4,4 км юго-восточнее от пос. Беталыс, на правом берегу р. Жарым в 2022 г. было исследовано святилище *Кызылмола* (Карагандинская обл.). Оно представляло собой земляной курган овальной в плане формы с едва заметными участками скопления камней. После снятия насыпи был расчищен подчетырехугольный наброс камней на грунтовую подсыпку. В центральной части на уровне материка зафиксированы остатки деревянного столба. У восточного края

наброса камней находились 5 статуарных объектов, три из которых имели антропоморфный облик.

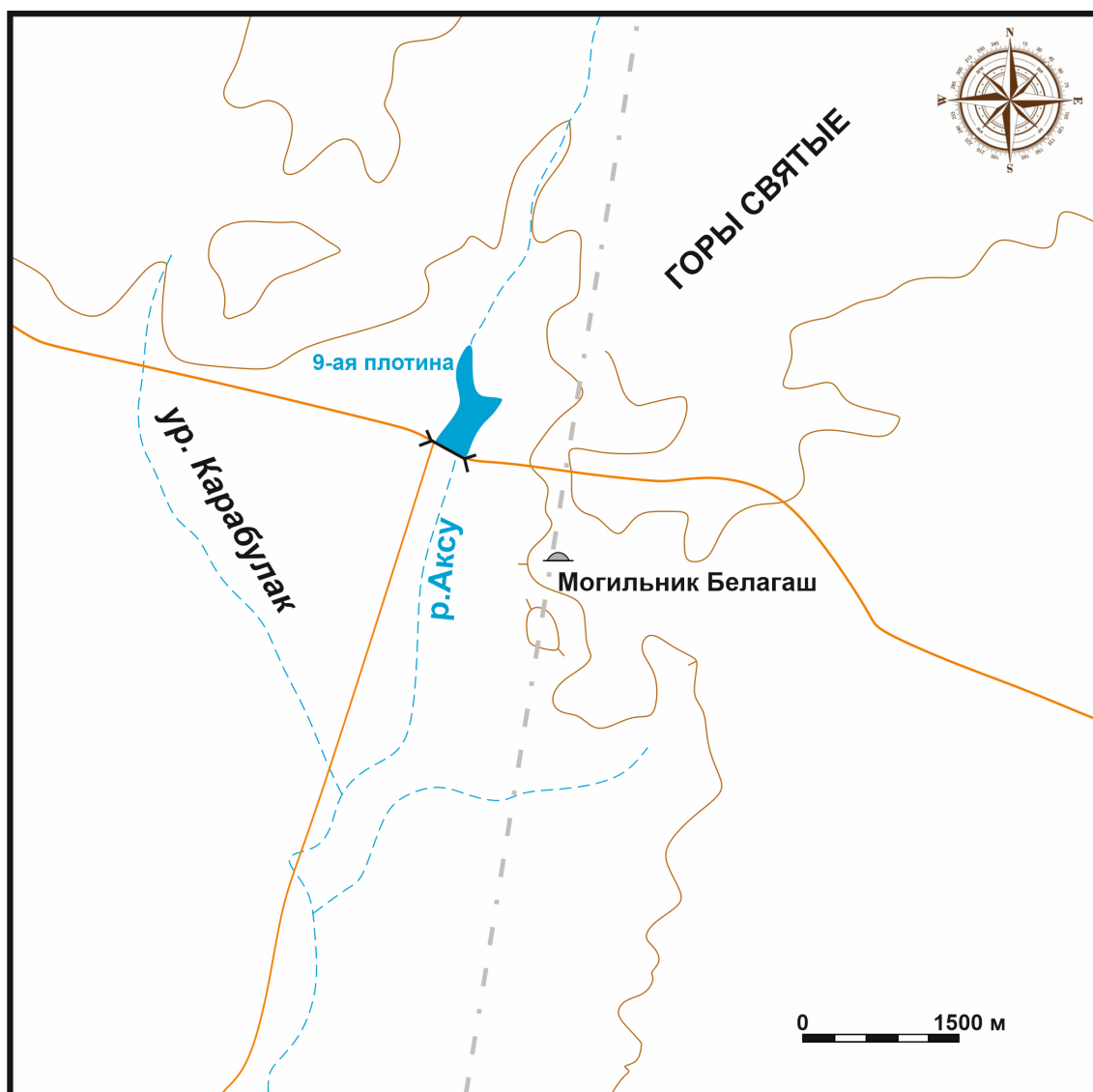
Подводя итоги изучения памятников IX–XII вв., следует отметить, что суммарно было раскопано 13 сооружений, из которых подавляющее большинство представлено объектами ритуально-поминального характера.

3. Материалы и методы

В 2021 г. экспедицией Карагандинского областного историко-краеведческого музея под руководством А. Б. Макена осуществлены археологические исследования памятника *Белагаш*, который находится в Бухаржырауском районе Карагандинской области, в 12 км юго-восточнее одноименного поселка, в 1 км южнее грейдера Белагаш – Рыбинское и расположен на вершине невысокой сопки, занимающей левобережную площадку реки Аксу. На погребальном поле были визуальным образом зафиксированы 4 кургана с каменными насыпями (см. карту 1). Впоследствии все они были раскопаны.

Сооружение № 1 — каменный курган диаметром 13 м, высотой до 1 м, с покрытыми дерном полами насыпи. В центральной части наблюдалось воронкообразное углубление. На объекте был разбит круговой раскоп диаметром 14 м (рис. 1). После расчистки основания кургана от грунта и кустарниковой растительности была разобрана восточная половина насыпи с целью фиксации стратиграфии комплекса. В ходе изучения надмогильной конструкции зафиксирована крепида, сложенная из крупных камней и имевшая диаметр около 10,5 м, а ширину до 1 м. В центральной части подкурганной площадки, на уровне материка, расчищено перекрытие могилы размерами 4,2 x 2,3 м, состоящее из массивных каменных плит и камней, вытянутое по линии «Запад – Восток». Вблизи зафиксирован астрагал мелкого рогатого скота (МРС). Центральная часть перекрытия на момент раскопок оказалась завалена в погребение. Могила представляла собой выбитую в скале нишу, близкую к прямоугольной в плане формы, размерами 2,2 x 1,6 м, глубиной до 0,95 м, ориентированную поперек перекрытия. Погребение находок не содержало.

Сооружение № 2 — курган с каменной насыпью диаметром 6,5 м, высо-

Карта 1. Расположение памятника Белагаш
 [Map 1. Location of the site of Belagash]

той 0,5 м. На объекте разбит круговой раскоп диаметром 6,5 м (см. рис. 1). После расчистки основания кургана от грунта и кустарниковой растительности была разобрана восточная половина насыпи с целью фиксации стратиграфии комплекса. На уровне материка были обнаружены разрозненные кости животных. Погребение не обнаружено.

Сооружение № 3 представляло собой овальный каменный курган размерами 3х2 м, высотой 0,6 м. На объекте был разбит круговой раскоп диаметром 3,5 м (см. рис. 1). После разбора насыпи, на уровне материка, по контрасту цветов грунта были

зафиксированы очертания погребения размерами 1,7 х 0,9 м, ориентированного по линии «Запад – Восток». В процессе выборки заполнения было установлено, что могила была полностью ограблена. Глубина ямы составила 0,8 м.

Сооружение № 4 — каменный курган диаметром 6,5 м, высотой до 0,4 м. На объекте был разбит круговой раскоп диаметром 7 м (см. рис. 2). После расчистки основания кургана от грунта и кустарниковой растительности была полностью разобрана насыпь. В центральной части, на уровне материка, зафиксировано погребение. Оно представляло собой выбитую в скале нишу

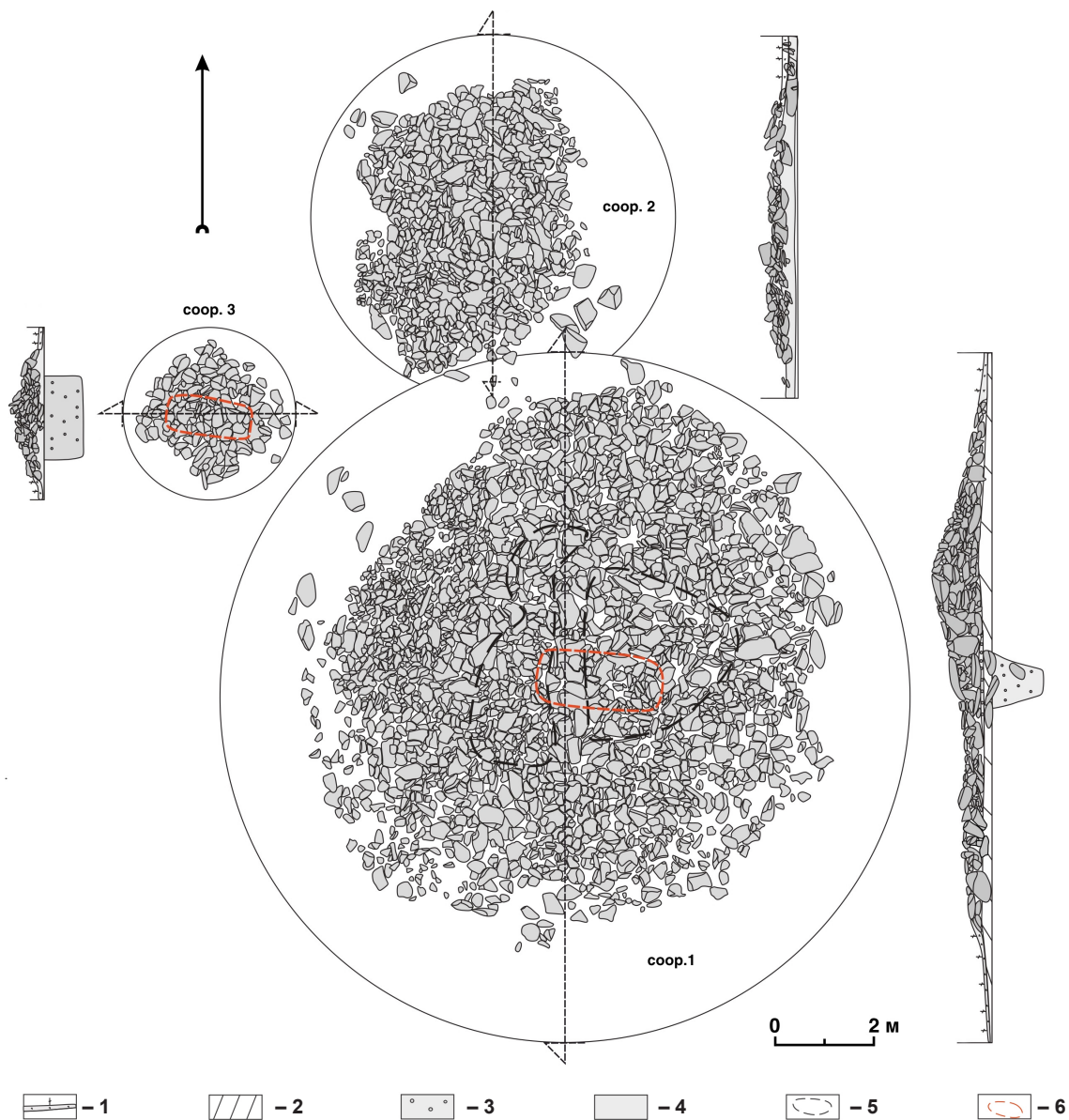

Рис. 1. Планы и профили сооружений №№ 1–3: 1 — дерн; 2 — темно-коричневый слой; 3 — заполнение могилы; 4 — коричневый слой; 5 — западины в насыпи, вызванные грабительским проникновением; 6 — контуры погребений

[Fig. 1. Plans and profiles of facilities nos. 1–3: 1 — turf; 2 — dark brown layer; 3 — grave filling; 4 — brown layer; 5 — depressions caused by grave robbers; 6 — contours of burials]

размерами 2,6 x 1,7 м, глубиной 1 м, ориентированную по линии «Запад-Северо-Запад – Восток-Юго-Восток» (см. рис. 3). В процессе выборки заполнения могилы, у дна, были зафиксированы два скопления костей лошади, в одном из которых обнаружены фрагменты железного стремена и подпружной пряжки. В восточной половине ямы найдены бронзовые наконечник ремня и накладка.

Железное стремя — арочной формы; дужки имеют округлое сечение размерами 1,3 x 0,9 см; в верхней части имеется подпрямоугольный выступ (4,2 x 3,9 см) с прямоугольным разрезом для крепления путлища (1,5 x 0,8 см); подножка уплощенная, размерами 9,5 x 3,8 см, с продольным ребром жесткости на внешней поверхности. Общие размеры по дужкам и подножке — 12 x 11,8 см (см. рис. 4: 4).

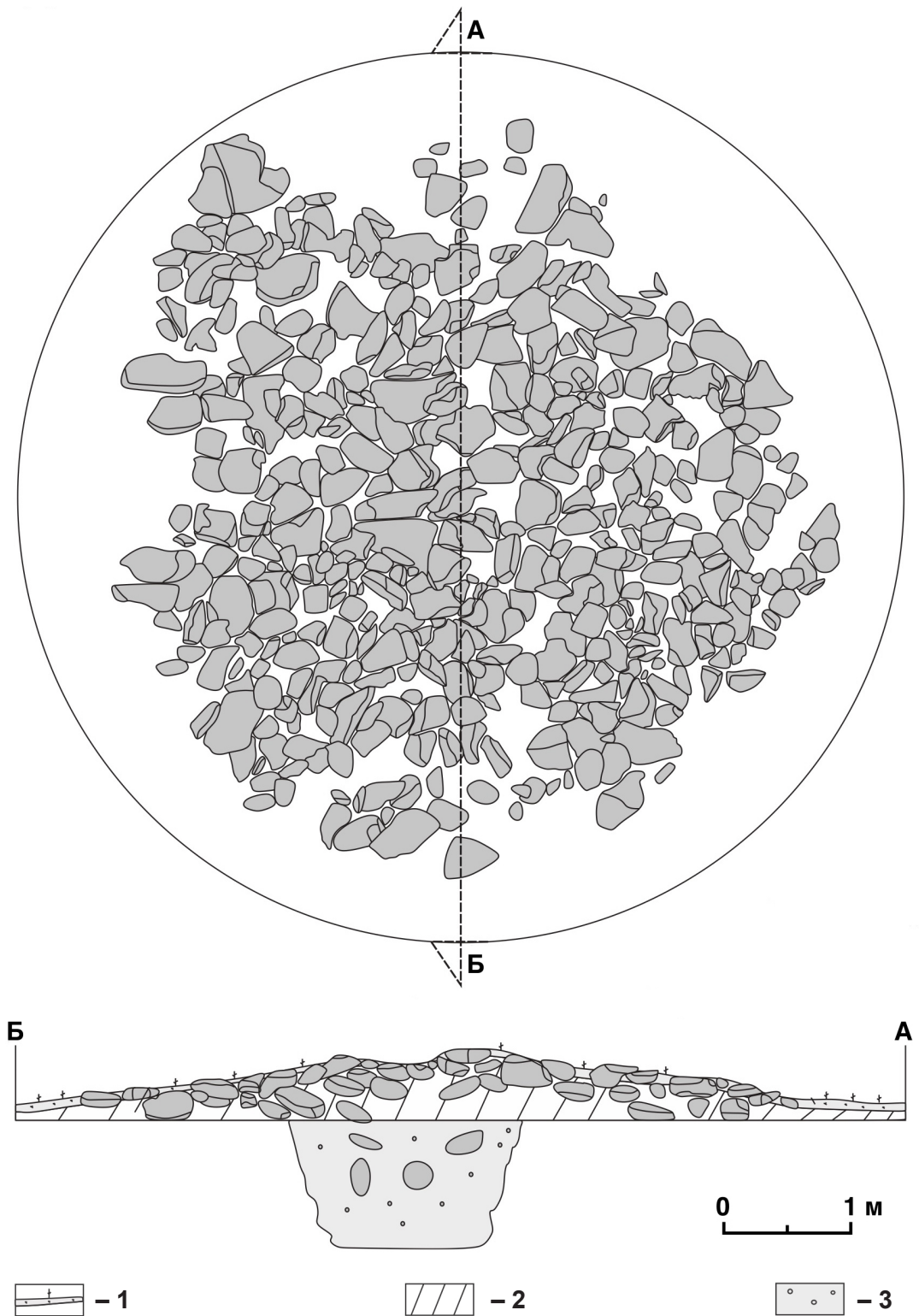

Рис. 2. План и профиль сооружения № 4: 1 — дерн; 2 — темно-коричневый слой;
3 — заполнение могилы
[Fig. 2. Plan and profile of facility no. 4: 1 — turf; 2 — dark brown layer; 3 — grave filling]

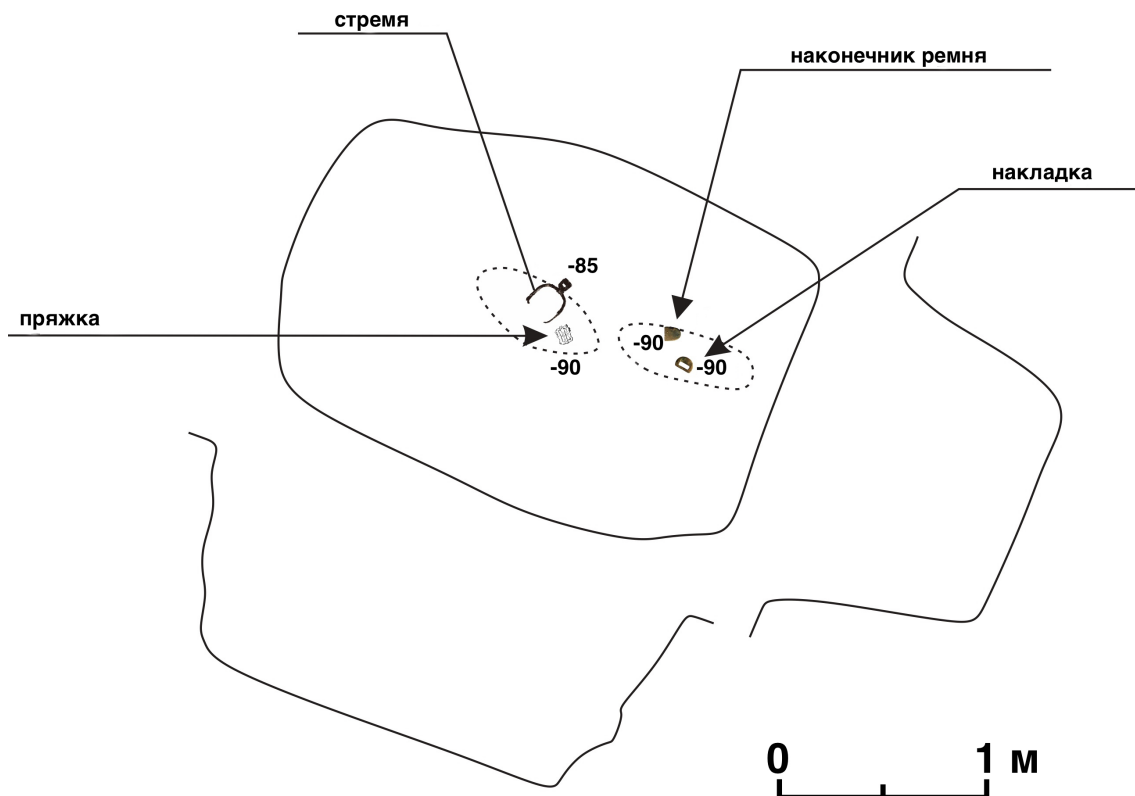

Рис. 3. План и разрезы погребения сооружения № 4
 [Fig. 3. Plan and sections (profiles) of burials in facility no. 4]

Железная подпружная пряжка имеет четырехугольную рамку со скругленными углами, размерами 4,3 x 3,5 см; сечение рамки прямоугольное размерами 1 x 0,9 см. К одному из краев рамки прикреплен подвижный вращающийся по оси язычок длиной 4,7 см (см. рис. 4: 3).

Бронзовый наконечник ремня — длиной 2,5 см, шириной у основания 2,2 см, двухчастный (половинки скреплены тремя шпёнками), полый внутри (рис. 4: 1).

Бронзовая накладная бляшка — сегментовидная, длиной 1,3 см, шириной у основания 1,6 см. Имеет в планке прямоугольное отверстие размерами 1,1 x 0,4 см. На тыльной стороне по краям расположены три приостренных шпёнка длиной до 0,4 см (см. рис. 4: 2).

4. Анализ полученного материала

Исследованные сооружения памятника *Белаяш* имеют довольно типичные для кочевнической погребальной архитектуры Центрального Казахстана надмогильные

конструкции в виде не покрытых грунтом каменных насыпей, которые получают распространение еще в раннем железном веке [Бейсенов и др. 2017: 66–77] и становятся, вероятно, доминирующими в раннем средневековье.

Белаяшские комплексы структурно представляли собой набросы из крупных и средних по размерности камней, достигавшие в диаметре до 13 м. Однако стоит отметить, что соотношение диаметра и высоты насыпей иллюстрирует их компактность при относительно значительной высоте.

Погребальные камеры, выявленные в сооружениях №№ 1, 3, 4, представляли собой однотипные ниши, вырубленные в скальных породах. Их совокупные размеры составили 2,6–1,7 x 1,7–0,9 x 1–0,8 м, а ориентировка — «Запад – Восток» (2 случая) и «Запад-Северо-Запад – Восток-Юго-Восток» (1 случай).

К сожалению, отсутствие находок в сооружениях №№ 1–3 делает их малоинформативными для реконструкции обрядности

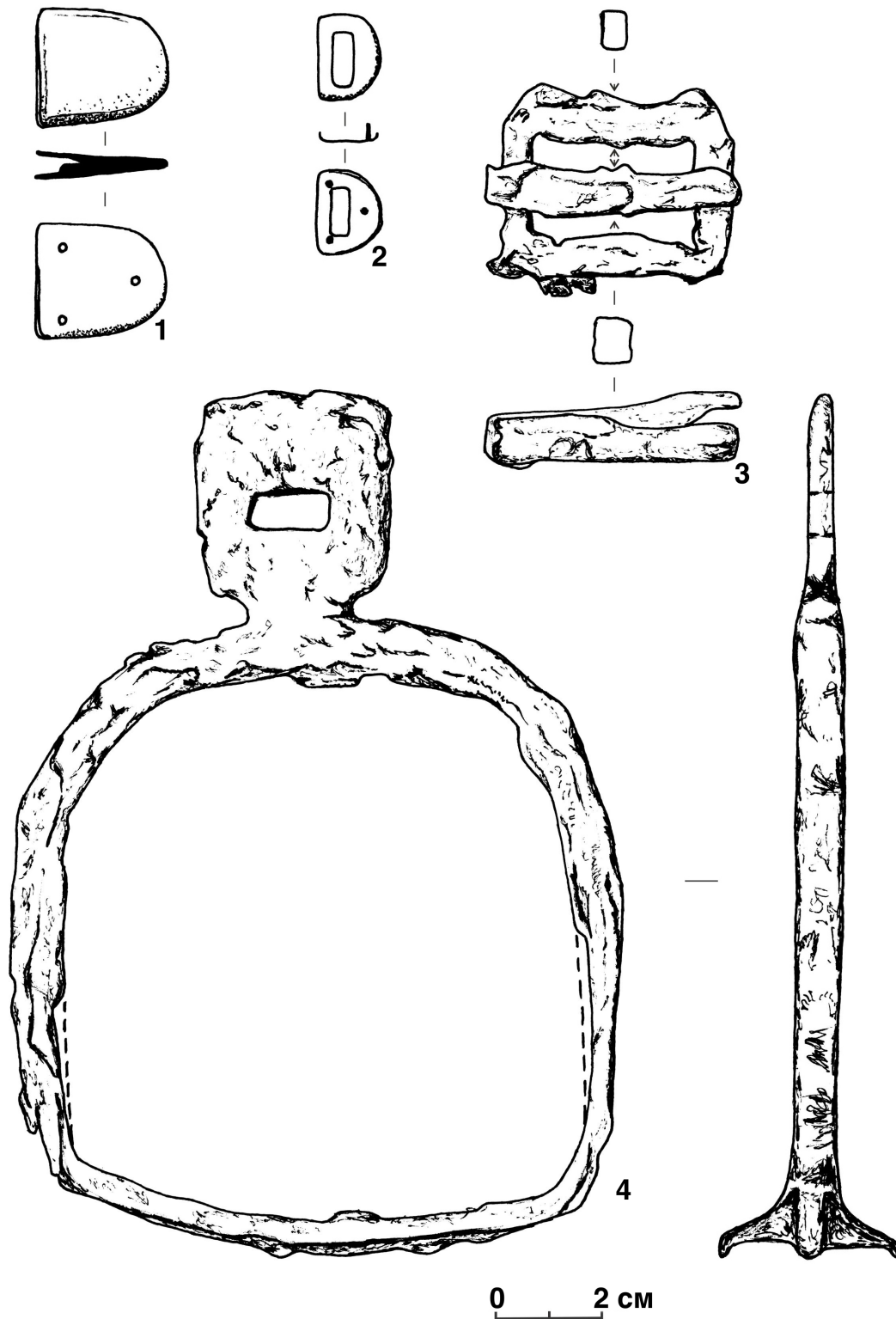

Рис. 4. Предметный комплекс сооружения № 4
[Fig. 4. Grave goods set from facility no. 4]

и оставляет вопросы в области датирования. Необходимо иметь в виду, что присутствие разновременных комплексов на одном погребальном поле — нередкое явление. Показательным в этом плане является некрополь *Кетабан*, раскопки которого проводились в течение двух полевых сезонов (2018 и 2022 гг.). Планиграфически он состоял из крупного сооружения в окружении более мелких, периферийных объектов (все комплексы представляли собой каменные курганы). В 2018 г. раскопки охватили одно периферийное сооружение, давшее материалы тюркской культуры [Кукушкин, Дмитриев, Кукушкин 2019: 135–137].

Впоследствии были осуществлены исследования наиболее крупного комплекса, содержавшего предметный набор раннего железного века. Таким образом, принимая во внимание ситуацию на могильнике *Кетабан*, авторы статьи считают резонным исключить из дальнейшего рассмотрения не содержавшие культуродиагностирующих маркеров комплексы *Белагаиш*.

Полученные при исследовании сооружения № 4 материалы представлены разрозненными останками лошади в сопровождении железных стремени, пряжки и бронзовых наконечника ремня с накладной бляшкой.

Захоронения костяков лошадей — довольно распространенное явление в обрядовой практике средневекового населения евразийских степей, однако обладающее определенной вариативностью. Расположение и состав костяков обнаруженных животных рассматривается исследователями в качестве маркеров определенных этнокультурных групп. Зачастую размещение анатомически целой туши животного воспринимается как характерный для древнетюркских племен обряд, а помещение фрагментов скелета или его шкуры трактуется в качестве кимакской, кыпчакской или огузской традиции [Хасенова 2017: 357].

В данном случае потревоженность захоронения не позволяет восстановить положение останков животного. Однако даже при столь значительной ограбленности погребения следует подчеркнуть полное отсутствие человеческих останков. Данное обстоятельство позволяет под другим ракурсом рассмотреть интерпретацию комплекса.

Самостоятельные захоронения лошадей, как проиллюстрировано в сводке С. П. Нестерова, известны на протяжении VI–XIV вв. [Нестеров 1990: 85–92] и представляют собой устойчивое явление в обрядовой практике средневекового населения [Илюшин 2003: 132–137]. Обобщая критерии их выделения, Н. Н. Серегин считает наиболее важными следующие: отсутствие человеческих останков; отсутствие предметов сопроводительного инвентаря, предназначенного для человека, и внутримогильных конструкций, связанных с оформлением погребения человека или отделением его от лошади [Серегин 2017а: 37–38].

Погребение сооружения № 4 можно признать соответствующим данным критериям, причем, как будет показано ниже, достоверно предназначавшихся для человека предметов также не обнаружено.

В вопросе интерпретации одиночных захоронений лошадей в настоящее время консенсуса не имеется. В разные годы исследователями предлагались различные версии. Так, по мнению С. П. Нестерова, они могут быть связаны с преждевременной гибелью животного или объясняются невозможностью его погребения вместе с человеком [Нестеров 1990: 79–80]. В целом признавая резонность предложенных С. П. Нестеровым вариантов, Г. В. Кубарев отметил, что нельзя исключать возможный культовый характер части из них [Кубарев 2005: 20].

Ключевое значение для установления возраста сооружения № 4 имеет железное стремя. Массовый характер встречаемости стремян в средневековых комплексах акцентирует внимание исследователей, способствуя созданию разнообразных типологических схем и выделению маркеров хронологии (см., к примеру: [Серегин 2017б: 9–23; Кубарев 2005: 131–133; Неверов 1998: 129–151]). В качестве одних из таких критериев отмечаются тенденция к смене округлой формы арочной и выделение ребра жесткости на подножке [Серегин 2017б: 14].

Первые стремяна с прямоугольным выступом для крепления путлища появляются во второй половине VI в., что соответствует эпохе Первого Тюркского каганата [Археология СССР 1981: 32], и получают максимальное распространение в VII–IX вв. [Кубарев 2005: 131].

В Центральном Казахстане первое металлургическое изделие данного типа было обнаружено во время работ на могильнике *Майбулак II*, однако оно имело округлую форму и было датировано по известным аналогам VII–IX в. [Дмитриев, Ломан, Кушкин 2017: 50–51].

Согласно типологии С. В. Неверова, белагашское стремя типологически близко типам 19 и 23. С первым его сближает пластинчатое ушко для крепления путлища, со вторым — четырехугольная (арочная) форма дужек, распространенная в VIII–X вв. [Неверов 1998: 147–149].

Аналогичным образом типологически близкие выделеннопластинчатые стремяна [Кубарев 2005: рис. 37: 9, 12–14] датированы и Г. В. Кубаревым, указавшим, однако, что наибольшее распространение они получают в VIII–IX вв. [Кубарев 2005: 131].

Территориально ближайшие по форме белагашскому аналогу стремени известны по случайным находкам у г. Павлодара [Арсланова 2013: 188, рис. 63–64]. По мнению Ф. Х. Арслановой, они относятся к IX–XI вв.

Однако необходимо подчеркнуть, что, несмотря на некоторую вариативность предлагаемых датировок, изделия арочной формы с выделенной пластиной и ребром жесткости на подножке вряд ли могут быть моложе VIII/IX–XI вв.

Остальные обнаруженные изделия, к сожалению, малоинформативные с точки зрения датирования, что объясняется их использованием длительное время. К примеру, аналогии железным пряжкам известны как в комплексах тюркского [Серегин, Матренин 2016: рис. 66: 13–17; Серегин, Матренин 2016: рис. 57: 25], так и монгольского времени [Тишкин 2009: рис. 124: 9; рис. 125: 9–10; рис. 118: 5; рис. 96: 7].

Сочетание в одном скоплении железного стремени и железной пряжки в сооружении № 4, возможно, связано с их принадлежностью к предметам конской

упряжи, что объясняет применение нами к последнему изделию уточнения — подпружная.

Типологически близкие наконечники ремней имеются в материалах могильников *Балык-Сөөк-I* [Кубарев 2002: рис. 6: 12, 15], *Бирюзовая Катунь-3* [Серегин, Матренин 2016: рис. 55: 36], а также *Сапогово* и *Саратовка* в Кузнецкой котловине [Илюшин 2005: табл. 5: 42, 75, 76], хронологические рамки которых соответствуют 2-й половине I тыс. Среди тюркских материалов некрополя *Бирюзовая Катунь-3*, к примеру, имеются аналоги белагашской накладной бляшки [Серегин, Матренин 2016: рис. 55: 30–32].

Несмотря на то, что обнаруженные наконечник ремня и накладную бляшку можно считать элементами поясной гарнитуры [Кубарев 2005: рис. 12], авторы статьи солидарны с Г. В. Кубаревым в возможности их отнесения к иным элементам снаряжения лошади [Кубарев 2005: 48]. Тем более, во-первых, несмотря на потревоженный характер погребения сооружения № 4 *Белагаши*, человеческие останки не были обнаружены; во-вторых, найденный набор предметов явно неполный.

5. Заключение

Из четырех исследованных сооружений однозначную хронологическую позицию имеет только сооружение № 4, представлявшее собой каменный курган диаметром 6,5 м, высотой до 0,4 м и содержавшее выбитую в скальной породе нишу, в которой обнаружены фрагменты костей лошади в сопровождении предметов конской упряжи. Характер комплекса позволяет атрибутировать его в качестве самостоятельного одиночного захоронения лошади. Аналоги полученного инвентаря, прежде всего железного стремени, позволяют датировать комплекс в рамках VIII/IX–XI вв., т. е. кыпчакским временем.

Литература

- Арсланова 2013 — Арсланова Ф. Х. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII–XII вв.) // Материалы и исследования по археологии Казахстана: Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. Астана: Филитал Ин-та археологии им. А. Х. Маргулана в г. Астане, 2013. С. 179–190.
- Археология СССР 1981 — Археология СССР. Т. 18. Степи Евразии в эпоху средневековья / отв. ред. тома С. А. Плетнева. М.: Наука, 1981. 303 с.
- Бейсенов и др. 2017 — Бейсенов А. З., Бедельбаева М. В., Хабдулина М. К., Самашев З., Ермолаева А. С., Джумабекова Г. С., Базарбаева Г. А., Лукпанова Я. А., Курманкулов Ж.,

- Утубаев Ж. Р., Алтынбекова Э. К. Казахстан в сакскую эпоху. Алматы: Ин-т археологии им. А. Х. Маргулана, 2017. 228 с.
- Варфоломеев, Рудковский 2004 — *Варфоломеев В. В., Рудковский И. В.* Средневековое погребение на речке Кызылкеныш в Кентских горах // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 3. Уральск: ЦИА, 2004. С. 220–225.
- Дмитриев, Ломан, Кукушкин 2017 — *Дмитриев Е. А., Ломан В. Г., Кукушкин И. А.* Могильник *Майбулак II*. Новый памятник эпохи средневековья Сарыарки // Актуальные проблемы отечественной истории и археологии. Караганда: КарГУ, 2017. С. 48–51.
- Ермоленко 1987 — *Ермоленко Л. Н.* Средневековые каменные изваяния с верховьев реки Атасу // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда: КарГУ, 1987. С. 102–108.
- Ермоленко 2004 — *Ермоленко Л. Н.* Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2004. 132 с.
- Ермоленко, Гецова, Курманкулов и др. 1985 — *Ермоленко Л. Н., Гецова Н. С., Курманкулов Ж. К.* Новый вид сооружений с изваяниями из Центрального Казахстана // Проблемы охраны археологических памятников Сибири / отв. ред. В. Е. Медведев, Ю. С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1985. С. 137–161.
- Ермоленко, Курманкулов 1992 — *Ермоленко Л. Н., Курманкулов Ж. К.* Центральнокзахстанские памятники с изваяниями кыпчакского облика // Маргулановские чтения / отв. ред. В. Ф. Зайберг. Петропавловск: Лаб. археолог. исследований Петропавловского педагог. ин-та, 1992. С. 116–119.
- Ермоленко, Курманкулов 2002 — *Ермоленко Л. Н., Курманкулов Ж. К.* Святилище на реке Жинишке и проблема первоначального вида кыпчакских изваяний // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 3(11). С. 78–87.
- Жусупов, Дмитриев 2017 — *Жусупов Д. С., Дмитриев Е. А.* Археологические исследования 2012 года в местности *Тортколь* // Актуальные проблемы Отечественной истории и археологии. Караганда: КарГУ, 2017. С. 52–54.
- Илюшин 2003 — *Илюшин А. М.* Об ритуале захоронения коней как этнографо-археологическом источнике // Древности Алтая: межвуз. сб. тр. Вып. 10 / отв. ред. В. И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2003. С. 132–137.
- Илюшин 2005 — *Илюшин А. М.* Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово: КузГТУ, 2005. 240 с.
- Касенова 2020 — *Касенова А. Д.* Каменные изваяния Сарыарки (история изучения). Алматы: Ин-т археологии им. А. Х. Маргулана, 2020. 196 с.
- Кубарев 2002 — *Кубарев Г. В.* Доспех древнетюркского знатного воина из Балык-Сёбка // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий: сб. науч. тр. / под ред. В. В. Горбунова, А. А. Тишкина. Барнаул: АлтГУ, 2002. С. 88–112.
- Кубарев 2005 — *Кубарев Г. В.* Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2005. 400 с.
- Кукушкин, Дмитриев, Кукушкин 2019 — *Кукушкин И. А., Дмитриев Е. А., Кукушкин А. И.* Предварительные результаты исследований памятников тюркского времени Центрального Казахстана в 2018 году // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований: сб. науч. ст. IV Междунар. конгресса средневековой археологии евразийских степей, посв. 100-летию российской академической археологии (г. Улан-Удэ, 16–21 сентября 2019 г.). В 2 кн. Кн. 1 / отв. ред.: Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2019. С. 135–137.
- Курманкулов, Касенова 2017 — *Курманкулов Ж. К., Касенова А. Д.* Предварительное сообщение о святилище *Унцрек* в Центральном Казахстане // Мәдениет. Культура. Culture. 2017. № 1 (1–2). С. 105–110.
- Кызласов 1951 — *Кызласов Л. Р.* Памятники поздних кочевников Центрального Казахстана (из работ Центрально-Казахстанской археологической экспедиции в 1948 году) // Известия Академии наук Казахской ССР. Серия археологическая. 1951. Вып. 3. С. 53–63.
- Маргулан 2003 — *Маргулан А. Х.* Сочинения: в 14 тт. Т. 3: Петроглифы Сарыарки. Гравюры с изображением волчьего тотема; Т. 4: Каменные изваяния Улытау / сост. Д. А. Маргулан, Д. Маргулан. Алматы: Дайк-Пресс, 2003. 50 с. + вкл. 246 с.
- Неверов 1998 — *Неверов С. В.* Стремена Верхнего Приобья в VI–XII в. (классификация и типология) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье: сб. науч. тр. / под ред. Ю. Ф. Кирюшина и А. А. Тишкина. Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1998. С. 129–151.

- Нестеров 1990 — *Нестеров С. П.* Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 143 с.
- Рыков 1935 — *Рыков П. С.* Работы в совхозе «Гигант» (Караганда) // Археологические работы Академии на новостройках в 1932–33 гг. Т. II. М.; Л.: ОГИЗ, 1935. С. 40–68.
- Серегин 2017а — *Серегин Н. Н.* Отдельные захоронения лошадей в обрядовой практике раннесредневековых тюрков Центральной Азии // Теория и практика археологических исследований. 2017. № 1 (17). С. 36–47.
- Серегин 2017б — *Серегин Н. Н.* Стремения из погребальных комплексов раннесредневековых тюрков Монголии // Народы и религии Евразии. 2017. № 3–4 (12–13). С. 9–23.
- Серегин, Матренин 2016 — *Серегин Н. Н., Матренин С. С.* Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н. э. – XI в. н. э. Барнаул: Алт. ун-т, 2016. 272 с.
- Тишкин 2009 — *Тишкин А. А.* Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул: Азбука, 2009. 208 с.
- Хасенова 2017 — *Хасенова Б. М.* Погребальный обряд населения Сарыарки в эпоху раннего средневековья: итоги изучения и новые вопросы // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. науч. ст., посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции АН Казахстана. Т. 2. Алматы: НИЦ истории и археологии «Бегазы-Тасмола», 2017. С. 354–358.

References

- Arslanova F. Kh. Sites in the Irtysh River valley of Pavlodar Region, seventh to twelfth centuries CE. In: Arslanova F. Kh. The Sketches of Medieval Archaeology of the Upper Irtysh. Z. Samashev et al. (eds.). (Materials and Researches on Archaeology of Kazakhstan 3). Astana: Margulan Institute of Archaeology, 2013. Pp. 179–190. (In Russ.)
- Beysenov A. Z., Bedelbayeva M. V., Khabdulina M. K., Samashev Z., Yermolaeva A. S., Dzhumabekova G. S., Bazarbayeva G. A., Lukpanova Ya. A., Kurmankulov Zh., Utubayev Zh. R., Altynbekova E. K. Kazakhstan in the Saka Era. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 2017. 228 p. (In Russ.)
- Dmitriev E. A., Loman V. G., Kukushkin I. A. Burial ground of Maibulak II: A newly discovered medieval site in the Kazakh Uplands (Saryarqa). In: Smagulova G. M., Shotbakova L. K. (eds.) Topical Issues of Kazakhstan's History and Archaeology. Karaganda: Karaganda Buketov University, 2017. Pp. 48–51. (In Russ.)
- Ermolenko L. N. Medieval megaliths in the upper reaches of the Atasu River. In: Yevdokimov V. V. (ed.) Central and North Kazakhstan: Questions of Archaeological Periodization. Karaganda: Karaganda State University, 1987. Pp. 102–108. (In Russ.)
- Ermolenko L. N. Medieval Megaliths of Kazakh Steppes, Their Typology and Semantics: A Perspective from Military Ideologies and Traditional Worldviews. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography (SB RAS), 2004. 132 p. (In Russ.)
- Ermolenko L. N., Getsova N. S., Kurmankulov Zh. K. A new type of constructions from Central Kazakhstan. In: Medvedev V. E., Khudyakov Yu. S. (eds.) Archaeological Sites of Siberia: Issues of Preservation. Novosibirsk, 1985. Pp. 137–161. (In Russ.)
- Ermolenko L. N., Kurmankulov Zh. K. One sanctuary in the Zhinishke River valley and the problem of earliest appearances of Kipchak megaliths. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2002. No. 3 (11). Pp. 78–87. (In Russ.)
- Ermolenko L. N., Kurmankulov Zh. K. Sites of Central Kazakhstan with Kipchak-type megaliths. In: Zaibert V. F. (ed.) Margulan Readings. Petropavlovsk: Petropavlovsk Pedagogical Institute, 1992. Pp. 116–119. (In Russ.)
- Ilyushin A. M. Ethnocultural History of Medieval Kuznetsk Depression. Kemerovo: Kuzbass State Technical University, 2005. 240 p. (In Russ.)
- Ilyushin A. M. Horse burials as ethnoarchaeological sources. In: Soenov V. I. (ed.) Antiquities of the Altai. Collected papers. Vol. 10. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University, 2003. Pp. 132–137. (In Russ.)
- Kasenova A. D. Megaliths of the Kazakh Uplands (Saryarqa): A History of Research. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 2020. 196 p. (In Russ.)
- Khasenova B. M. Obsequies of Saryarka population in the early Middle Ages: Research results and new issues. In: Beysenov A. Z., Loman V. G. (eds.) Archaeological Heritage of Central Kazakhstan: Research and Preservation. Collected scholarly papers. Almaty: Begazy-Tasmola, 2017. Vol. 2. Pp. 354–358. (In Russ.)
- Kubarev G. V. Armor of a noble warrior from Balyk-Söök. In: Gorbunov V. V., Tishkin A. A.

- (eds.) Materials on the Military Archaeology of the Altai and Neighboring Lands. Barnaul: Altai State University, 2002. Pp. 88–112. (In Russ.)
- Kubarev G. V. The Culture of the Ancient Turks of the Altai (On the Basis of Burials). Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography (SB RAS), 2005. 400 p. (In Russ.)
- Kukushkin I. A., Dmitriev E. A., Kukushkin A. I. Göktürk-era sites of Central Kazakhstan: Preliminary results of 2018 surveys. In: Bazarov B. V., Kradin N. N. (eds.) Nomadic Empires of Eurasia in Archaeological and Interdisciplinary Studies. Jubilee congress proceedings (Ulan-Ude, 16–21 September 2019). In 2 vols. Vol. 1. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2019. Pp. 135–137. (In Russ.)
- Kurmankulov Zh. K., Kasenova A. D. Sanctuary of Unirek from Central Kazakhstan: A preliminary report. *Mädeniet. Kultura. Culture*. 2017. No. 1(1–2). Pp. 105–110. (In Russ.)
- Kyzlasov L. R. Sites of late nomads in Central Kazakhstan: Analyzing treatises of the 1948 Central Kazakhstan Archaeological Expedition. *Izvestiya Akademii nauk Kazakhskoy SSR. Seriya arkheologicheskaya*. 1951. No. 3. Pp. 53–63. (In Russ.)
- Margulan A. Kh. [Complete] Writings. In 14 vols. Vol. 3: Petroglyphs of the Saryarqa. Wolf Totem Engravings; vol. 4: Megaliths of the Ulutau. D. Margulan (comp.). Almaty: Daik-Press, 2003. 50 p., 246 p. (In Russ.)
- Nesterov S. P. Horse in Cults of Medieval Central Asian Turks. Novosibirsk: Nauka, 1990. 143 p. (In Russ.)
- Neverov S. V. Stirrups from the Upper Ob, sixth–seventh centuries CE: Classification and typology. In: Kiryushin Yu. F., Tishkin A. A. (eds.) Riding Horse Harness in the Early Iron Age and Medieval Altai. Collected papers. Barnaul: Altai State University, 1998. Pp. 129–151. (In Russ.)
- Pletneva S. A. (ed.) Eurasian Steppes in the Middle Ages (Archaeology of the Soviet Union 18). Moscow: Nauka, 1981. 303 p. (In Russ.)
- Rykov P. S. Surveys in the sovkhos of Gigant (Karaganda). In: Archaeological Surveys of the Academy in Construction Sites, 1932–1933. Moscow. Leningrad: OGIZ, 1935. Vol. 2. Pp. 40–68. (In Russ.)
- Seregin N. N. Separate burials of horses in the ritual practice of early medieval Turkic people of Central Asia. *Theory and Practice of Archaeological Research*. 2017. No. 1 (17). Pp. 36–47. (In Russ.)
- Seregin N. N. Stirrups from funerary complexes of early medieval Turks in Mongolia. *Peoples and Religions of Eurasia*. 2017. No. 3–4 (12–13). Pp. 9–23. (In Russ.)
- Seregin N. N., Matrenin S. S. Funeral Rite of the Altai Nomads in II Century BC – XI Century AD. Barnaul: Altai State University, 2016. 272 p. (In Russ.)
- Tishkin A. A. The Altai in the Mongol Era: Investigating Archaeological Sites. Barnaul: Azbuka, 2009. 208 p. (In Russ.)
- Varfolomeev V. V., Rudkovsky I. V. One medieval burial from the Kyzylkenysh River valley in the Kent mountain ridge. In: Sdykov M. N. (ed.) West Kazakhstan: Issues of History and Archaeology. Vol. 3. Uralsk: Center for History and Archaeology, 2004. Pp. 220–225. (In Russ.)
- Zhusupov D. S., Dmitriev E. A. Archaeological surveys of 2012 in Tortkol. In: Smagulova G. M., Shotbakova L. K. (eds.) Topical Issues of Kazakhstan's History and Archaeology. Karaganda: Karaganda Buketov University, 2017. Pp. 52–54. (In Russ.)

